

ТРИ ПИСЬМА Е.В.ТАРЛЕ ВОЖДЯМ (1934–1938 гг.)

В начале 1997 г., когда обсуждался вопрос о подготовке к празднованию 275-летнего юбилея РАН, было принято решение о подготовке документальной публикации "Академия наук в решениях политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922-1991 гг." Первый том, охватывающий период, когда во главе политбюро стоял Сталин, уже готовится к изданию. Среди выявленных материалов находится и весь комплекс решений, отражающих подготовку и ход "академического дела" 1929-1931 гг., по которому был осужден и лишен академического звания Е.В. Тарле. Мы не станем останавливаться на ходе этого "дела историков", достаточно подробно освещенного в исследованиях и публикациях последних лет¹, а постараемся показать лишь борьбу Е.В. Тарле за возвращение ему звания академика.

В предисловии ко второму выпуску документальной публикации "Академическое дело 1929-1931 гг.", где воспроизведено следственное дело по обвинению академика Е.В. Тарле, Б.В. Ананьич, В.М. Панях и А.Н. Цамутали рассказали о появлении имени Е.В. Тарле среди привлеченных по "академическому делу", о "салоне" и кружке Тарле, его аресте и ходе следствия, о неудавшейся попытке связать Тарле с Рамзиным по делу "Промпартии", о награждении в показаниях Тарле нелепых и фантастических подробностей².

Немаловажную роль в дальнейшей судьбе Е.В. Тарле сыграло и то, что он сотрудничал со следствием, хотя несколько позднее, летом 1932 г., и направлял в ОГПУ официальное заявление об отказе от своих показаний, данных им в процессе следствия (это заявление, к сожалению, отсутствует в книге). Одной из причин этого сотрудничества был страх за свою научную и человеческую судьбу. Как писал Тарле члену коллегии ОГПУ Е.Г. Евдокимову, "мне грозит исключение из Академии наук, которое будет страшным моральным ударом, лишаящим возможности с успехом действовать в целом ряде намеченных мной теперь задач, но и выбросит меня с семьей на улицу, лишив куска хлеба. Если этот шаг будет предпринят, то он непоправимо разобьет мою жизнь и всю намеченную мной деятельность"³. Несмотря на мольбы и уверения последственного, этот страшный удар был нанесен.

Напомним, что Е.В. Тарле вместе с С.Ф. Платоновым, Н.П. Лихачевым и М.К. Любавским были исключены из числа действительных членов АН СССР на чрезвычайном общем собрании АН СССР 2 февраля 1932 г. по предложению председательствовавшего неперменного секретаря АН академика-коммуниста В.П. Волгина. Это решение принималось в соответствии с уставом АН СССР 1927 г. Возражавший против этой акции президент АН академик А.П. Карпинский заявил на собрании, что параграф устава, предусматривающий лишение ученого звания академика, если "его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР"⁴, был "включен без ведома Академии, он был включен прямо правительством в наш Устав. В других академиях ничего подобного не существует. Везде Академия соединяет в себе лиц всевозможных религий, всевозможных настроений, и различие мнений никогда не служило причиной задержки того, для чего Академия вообще предназначена, а именно: для выяснения научных истин"⁵. Но президента убедили, что данный параграф был принят самой Академией, и решение об исключении четырех историков было принято единогласно.

Сейчас мы можем внести некоторую ясность в этот давний и волнительный вопрос. Проект первого советского устава АН СССР был подготовлен правительственной комиссией под

* **Есаков Владимир Дмитриевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

руководством заместителя председателя Госплана, члена ЦКК ВКП(б) В.П. Милютина по согласованию с Академией наук и в нем не было пункта о лишении академика звания. На совещании при обсуждении проекта устава в Совнарком СССР с представителями союзных республик были сформулированы восемь предложений, которые председатель СНК СССР А.И. Рыков счел необходимым вынести на обсуждение политбюро. Среди предложений, включенных А.И. Рыковым в обширную записку "Об уставе Академии наук", представленную им в политбюро ЦК ВКП(б) 11 апреля 1927 г., был и пункт о лишении академика "своего звания, если он не выполняет заданий, возлагаемых на него этим званием, лишение звания производится Академией с представлением на утверждение Совета народных комиссаров Союза"⁶. Таким образом, предложение СНК СССР предусматривало подобную меру лишь как научно-организационную, контролирующую качество и значимость выполняемых действительным членом Академии наук исследований.

Однако, когда 26 мая 1927 г. вопрос об уставе АН СССР рассматривался на политбюро ЦК, в принятом им решении были утверждены поправки, одной из которых и стало утверждение уставного пункта о порядке лишения академиков звания в следующей редакции: "Академик лишается своего звания, если он не выполняет заданий, возлагаемых на него этим званием, или если его деятельность направлена явным образом во вред СССР"⁷. Именно решением высшего партийно-государственного органа советской страны данному вопросу был придан ярко выраженный политический характер, причем в формулировке, допускающей по существу безграничные возможности для трактовки наносимого вреда.

Необходимо отметить и то, что исключение четырех историков из состава действительных членов АН СССР состоялось за полгода до вынесения им приговора. Постановление коллегии ОГПУ будет принято только в августе 1931 г., и Е.В. Тарле приговорят к ссылке на 5 лет и отправят в Алма-Ату. Его пребывание там с 4 сентября 1931 г. меньше всего походило на заключение. Тарле остановился у знакомых и уже к 10 сентября был приглашен на должность профессора в Казахский университет и утвержден крайкомом партии. "Оказалось, — писал он жене, — что здешний генеральный секретарь компартии Голошкеин (т.е. главное по политическому значению лицо в Алма-Ате и во всем Казахстане) — меня хорошо знает"⁸. Опальному профессору было поручено читать общий курс новейшей истории. Естественно, он получил жильё, дрова, талоны в столовую научных работников, паек и т.п. И уже в следующем письме он писал жене, что все это "со всей очевидностью демонстрирует абсурдность и парадоксальность ситуации, в которую меня поставили, лишив кафедры, мне ее возвратили на пятый день по моем приезде в Алма-Ату"⁹.

В Алма-Ате Е.В. Тарле прожил тринадцать месяцев. В начале октября 1932 г. он выехал в Москву формально по телеграмме, подписанной Е.П. Пешковой, являвшейся председателем Политического Красного Креста и оказывавшей большую помощь политзаключенным. А в Москве от председателя ЦИК СССР А.С. Енукидзе он узнал о своем помиловании. Это помилование и разрешение на возвращение могли исходить только от Сталина.

В середине ноября 1932 г. Е.В. Тарле был принят наркомом просвещения А.С. Бубновым. Во время этой встречи было обговорено, что Тарле восстанавливается в должности профессора Ленинградского университета, назначается научным консультантом Эрмитажа и вводится в состав Государственного ученого совета. В эти же дни ему подсказывается и "вопрос об Академии (о чем мне и в голову не шло)"¹⁰. С этого момента вопрос о восстановлении в звании действительного члена АН СССР становится на пять лет предметом настойчивых хлопот Е.В. Тарле. "1933-1935 гг., — пишет биограф ученого Б.С. Каганович, — были для Е.В. Тарле периодом своеобразной полуреабилитации"¹¹. Нам представляется, что этот период надо продлить до апреля 1938 г. — до постановления политбюро о включении Тарле в состав Академии наук. Следует отметить, что оба решения политбюро о Тарле, о которых пойдет речь, — от 10 сентября 1935 г. и 25 апреля 1938 г. — известны биографу.

Естественно, что первоначально Е.В. Тарле ведет переговоры с руководством АН СССР, пока, наконец, непреременный секретарь АН академик В.П. Волгин не сознается в бессилии разрешить эту проблему без разрешения "сверху", отказываясь выступать с соответствующими ходатайствами. "Пробывать" этот вопрос предоставляется самому Тарле.

С начала 1934 г. советское правительство принимает ряд постановлений о подготовке научных работников, об ученых степенях и званиях, о переводе Академии наук в Москву, об учебниках по истории, о восстановлении исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах. В этой, как ему казалось, благоприятной обстановке Е.В. Тарле принимает первую попытку выйти на самый "верх". В очередной приезд в Москву, — а он непременно останавливался в общежитии Дома ученых (Кропоткинская набережная, дом 3) Е.В. Тарле 22 марта 1934 г. пишет письмо помощнику И.В. Сталина А.Н. Поскребышеву:

Прилагаю краткое изложение того, о чем хотел говорить с Вами и хотел бы довести до сведения Иосифа Виссарионовича. О многом я не упомянул в этой краткой записке, о чем сказал бы в устной беседе. Поскольку В.П. Волгин мне сказал, что дело тормозится исключительно потому, что нет разрешающего слова сверху (со стороны самого оформления дела он никаких препятствий или задержек не видел и даже указал мне, что имеются вакансии), постольку я счел себя обязанным теперь, когда Наркомпрос привлекает меня к работе, сказать правдиво о том, что мешает моей работе и ослабляет и подрывает мою энергию и мои возможности.

Уважающий Вас Е. Тарле¹².

К этому рукописному посланию приложена записка, не имеющая ни названия, ни обращения. Сверху машинописного текста характерным почерком А.Н. Поскребышева написано: "От Тарле". Подобные надписи делались им на корреспонденции, которая докладывалась Сталину. В записке говорилось: "Сейчас партия и Наркомпрос поставили вопрос о необходимости немедленного принятия мер к подъему уровня исторического образования в СССР. Справедливо при этом указано на абсолютно неудовлетворительные учебники, на отсутствие подготовленных преподавателей на всех ступенях школы и т.д. Среди людей, которые признаны небесполезными в связи с предпринимаемой реорганизацией, оказался ныне и я.

Всецело сочувствуя предпринимаемым работам на этом, пока заброшенном участке великой культурной работы, производимой советской властью, и уже принимаясь за работу – я с полной искренностью должен указать, что ничем не мотивированное ложное мое положение, длящееся исключительно по инерции, связывает меня по рукам и ногам во всем, в том числе и в предстоящих моих усилиях быть полезным Норкомпросу и партии. Я состою в настоящий момент профессором вузов, профессором Института красной профессуры, я пишу о советском строительстве в американских газетах, меня избирают единогласно в вице-президенты Общества англо-советского сближения, меня зовут преподавать в Высший комму[нистический] институт просвещ[ения] (ВКИП), но я до сих пор не восстановлен в звании члена Всесоюзной Академии наук, с меня до сих пор не снято несправедливо, по необоснованному недоразумению наложенное пятно. И у нас, и в ученых кругах Запада просто понять не могут (и постоянно возвращаются к этому вопросу), почему до сих пор не ликвидирована эта явная неувязка, подрывающая не только мою личную работу, но и ослабляющая международный престиж исторического отделения Академии, поскольку там осталось ужасающе мало, так мало, как нигде в мире, – всего два (т.т. Волгин и Лукин) специалиста по истории Запада и поскольку поэтому каждый член на учете. Я состою членом Колумбийской академии политических наук в Соед[иненных] Штатах, членом трех главных французских ассоциаций, занимающихся историей, постоянным сотрудником шести научных журналов Франции, Англии, Соед[иненных] Штатов, членом Общества друзей Советской России во Франции, вице-президентом Общества англо-советского культурного сближения. Не тайна, что меня собираются сделать почетным доктором Сорбонны – честь, которой пока удостоен лишь акад. И.П. Павлов.

Я хочу всецело связать свое имя с великим социалистическим строительством, – я прошу только об элементарной справедливости, об устранении вредной для дела неувязки, мешающей моей работе, т.е. о восстановлении меня в Академии, куда я был избран в 1927 г.

Евгений Тарле¹³.

На это обращение ответа не последовало.

Положение Е.В. Тарле к середине 30-х гг. было весьма сложным. Деканом истфака ЛГУ являлся один из злейших его недругов – Г.С. Зайдель. Бывшие сочлены по Академии относились к Тарле весьма предупредительно, размышляя над метаморфозой с Тарле. Он непривычно мало публикуется в это время¹⁴, но его не забывают иностранные коллеги. Последовало приглашение прочитать курс лекций в Сорбонне, но принять его в состав ее членов было нельзя без санкции правительства.

По завершении учебного года, Е.В. Тарле приехал в Москву и летом 1935 г. написал обращение к председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову (оно не имеет точной даты):

"Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович!

В июне с.г. декан Госуд[арственного] университета в Ленинграде (по историч[ескому] факультету) Н.А. Дубровский получил официальное отношение от декана Парижского

университета (Сорбонны) проф. Делакура, извещавшее его о единогласном решении факультета Сорбонны пригласить профессора Ленинградского государственного университета Е.В. Тарле прочесть в Сорбонне несколько лекций с изложением результатов своих научных работ по истории Франции, сделанных уже в советскую эпоху.

Одновременно я и непосредственно получил приглашение того же характера от ректора Парижского университета Шарлети (Sebastien Charlety), известного друга советской России, с просьбой прочесть несколько лекций о достижениях советской исторической науки. Лекции могли бы состояться весной 1936 г. или раньше.

Раньше чем ответить ректору Шарлети на это лестное предложение, впервые делаемое советскому историку (из естественников приглашен Сорбонною пока только И.П. Павлов), я раньше, чем вообще предпринимать какие-либо шаги по этому поводу, хочу урегулировать несравненно более для меня важный вопрос: хотя я состою профессором в нескольких вузах и комвузах, хотя Наркомпрос поручает мне ответственной рецензии на учебники, хотя нет недостатка в признаках доверия ко мне со стороны не только Наркомпроса, но и других высших органов (я – сотрудник газеты Наркоминдела "Le Journal de Moscou", и мне принадлежит перепечатанный всей французской прессой статья о реформе исторических факультетов в связи с выступлением И.В. Сталина), но я не считаю свое положение нормальным и до сих пор не могу принести советскому правительству и советской общественности всей той пользы, которую мог бы и хотел бы принести.

Я прошу Вас, Вячеслав Михайлович, принять меня и выслушать. Я знаю, что теперь Вы не принимаете, но я приеду в любой день, когда Вы начнете приемы, и займу у Вас очень немного минут, чтобы высказать то, что на бумаге не напишется, и ответить на любой вопрос, который Вы захотели бы мне задать.

Искренно Вас уважающий Евгений Тарле.

Профессор Ленинградского государственного университета,

Профессор Высшего коммунистического института просвещения,

Профессор Ленинградского института истории, философии, лингвистики.

Мой адрес (постоянный): Ленинград-41, Набережная 9 января, д. 30, кв. 4 (телеф. 1–15–43)¹⁵.

Это послание дошло до адресата и было вынесено на обсуждение в политбюро, ибо только оно в это время могло выдать разрешение на выезд за границу. Но предварительно глава правительства посылает письмо Тарле на отзыв наркому просвещения А.С. Бубнову. Ответ наркома был лаконичен:

"Секретно. Лично тов. Молотову.

Считаю нецелесообразным разрешать поездку проф. Тарле Е.В. в Сорбонну для чтения лекций. Личное мое впечатление от Тарле, что это человек скользкий и политически притаившийся, хотя на словах он чуть ли не марксист. Я запрашивал о нем мнение НКВД и Управление университетов НКП. И там, и здесь считают, что разрешать проф. Тарле поездку за границу нельзя.

Бубнов".

На записке резолюция: **"Членам ПБ.** За отклонение поездки Тарле. *Молотов"* и следом росписи: *Каганович, Я. Рудзутак, К. Ворошилов*¹⁶.

10 сентября 1935 г. вопрос о поездке за границу профессора Тарле был вынесен на рассмотрение политбюро ЦК ВКП(б). Решение гласило: "Отклонить поездку проф. Тарле в Париж для чтения лекций"¹⁷.

Но к этому времени у Е.В. Тарле уже было предложение от редакции серии "Жизнь замечательных людей" написать биографию Наполеона, и он пишет ее буквально на одном дыхании. В начале лета 1936 г. книга Тарле "Наполеон" вышла в свет и имела огромный успех. К тому же в июне-сентябре 1936 г. он публикует в газете "Известия" серию статей о преимуществах обсуждавшегося тогда проекта новой "сталинской" Конституции.

Но не то было время, чтобы люди могли спокойно жить и работать, и Е.В. Тарле предстоит еще одно (и далеко не последнее) тяжелое испытание. 10 июня 1937 г. одновременно в "Правде" и "Известиях" публикуются разгромные статьи о его книге "Наполеон", подписанные псевдонимами "А. Константинов" и "Дм. Кугузов". Хотя на следующий день обе газеты поместят редакционные опровержения, удар был страшным. Эти опровержения явились, несомненно, результатом указания Сталина. Но Тарле все же пошлет ему письмо (его текст пока не обнаружен) о своем отношении к этим газетным публикациям и получит от Сталина ответ:

Мне казалось, что редакционные замечания "Известий" и "Правды", дезавуирующие критику тт. Константинова и Кутузова, уже исчерпали вопрос, затронутый в Вашем письме, насчет Вашего права ответить в печати на критику этих товарищей антикритикой. Я узнал, однако, недавно, что редакционные замечания этих газет Вас не удовлетворяют. Если это верно, можно было бы безусловно удовлетворить Ваше требование насчет антикритики. За Вами остается право остановиться на форме антикритики, наиболее Вас удовлетворяющей (выступление в газете или в виде предисловия к новому изданию "Наполеона").

*И. Сталин*¹⁸.

Это было иезуитское послание: с одной стороны, Сталин признавал право автора ответить на несправедливую и оскорбительную критику, с другой – в ответе содержалось явное возражение против использования для ответа тех же центральных газет. Послание Сталина опубликовано в работах Е.И. Чапкевича и Б.С. Кагановича и датировано 30 июня 1937 г. Сам же Е.В. Тарле назовет в приводимом ниже письме Сталину иную дату – 28 июня.

Через десять месяцев Е.В. Тарле решил использовать это послание как повод, чтобы обратиться к Сталину с продолжавшим его волновать вопросом о восстановлении в составе членов Академии наук. Он писал 15 апреля 1938 г.:

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Ваше отношение к одной из моих работ, выразившееся в Вашем письме от 28 июня 1937 года, получением которого я горжусь, дает мне смелость обратиться к Вам для разрешения дела, имеющего, как мне кажется, и некоторый общественный интерес.

Президиум Академии наук СССР желает предложить общему собранию Академии восстановить меня в качестве члена Академии и спрашивает у Совнаркома разрешение поставить этот вопрос ввиду близкого уже срока созыва общего собрания, но ответа пока не последовало.

Не буду распространяться о деле, по которому я был в 1930 году привлечен органами ГПУ, скажу только, что я лишь на первом допросе узнал о существовании какой-то "организации Платонова", за мнимое участие в которой я и привлекался. Прибавлю, что на **четвертый день** по приезде на место ссылки в гор. Алма-Ата я был уже назначен штатным профессором по истории империализма в Казахском университете, а по прошествии 10 месяцев был уже переведен профессором в Ленинградский университет.

В настоящее время я состою: членом совета (исторического) Института истории Академии наук, профессором Ленинградского госуд[арственного] университета, деятельным сотрудником чуть ли не всех исторических изданий Академии (десятилетника по новой истории и пятилетника по истории народов СССР, журнала "Историк-марксист", антифашистского сборника и т.д.). Я выступаю как представитель Академии с чтением лекций для комсостава Красной армии – подшефной Академии наук.

С меня не только давно снята "судимость", но не далее как в текущем 1938 году я по приглашению дирекции школы комсостава НКВД в Ленинграде (имени Куйбышева) дважды выступал с лекциями о шпионаже и диверсиях в капиталистических странах. Я писал и пишу в "Известиях", в "Комсомольской правде", и в "Красной звезде", в журнале "В помощь партучебе", в "Молодой гвардии", в "Пионере".

И неся огромную научную и общественную нагрузку, я до сих пор чувствую себя каким-то ошельмованным и реабилитированным.

Пока я не восстановлен в звании, которого я был лишен в 1930 году, моя работа (а я могу и хочу работать с партией и правительством) подрывается и лишается должного авторитета и значения. «Вы Академии очень нужны!», – заявил мне и уполномочил сослаться на его мнение президент Академии В.Л. Комаров.

Но, конечно, Академия не может в данном случае сделать то, что хочет, пока она не осведомлена о неимении возражений со стороны власти.

Между тем вся эта большая и разнообразная работа, научная и общественная, которую я делаю теперь для Академии по прямому и настойчивому желанию Академии, становится для меня в моральном отношении все тягостнее и станет в конце концов прямо непереносимой, пока дело о моем восстановлении не будет урегулировано.

Я, беспартийный большевик, человек, выступавший неоднократно в печати как комментатор сталинской Конституции, постоянно выступающий с лекциями и докладами по упорным

требованиям парткомов и комсомольских организаций, чувствую себя вправе добиваться своей полной реабилитации, и для меня теперь единственной ее формой является восстановление в Академии наук в качестве действительного члена, на том месте, которое до сих пор не замешено вследствие крайне скудного у нас числа специалистов по новой истории.

Глубоко Вас почитающий Евгений Тарле.

Адрес: Ленинград-41. Набережная «9 января», 30, кв. 4 (тел. 1-15-43)".

На первой странице машинописного текста письма – резолюция: "т. **Молотову**. По-моему, Тарле можно восстановить. Я за включение его в состав членов Ак. наук. **И. Сталин**". Ниже имеются росписи: за – *Молотов*, за – *Микоян*, за – *В. Чубарь*, *Каганович*, *К. Ворошилов* и пометы, что Жданов, Косиор, Калинин, Ежов тоже за¹⁹.

25 апреля 1938 г. вопрос "О проф. Тарле" был рассмотрен на политбюро, которое постановило: "Считать возможным включение проф. Тарле в состав Академии наук СССР"²⁰.

Е.В. Тарле был восстановлен в правах действительного члена Академии наук СССР решением общего собрания АН СССР 29 сентября 1938 г. Он оказался единственным, кому удалось в годы сталинского правления добиться этого еще при жизни.

Примечания

¹ Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2. Ч. 1-2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. СПб., 1998; Чапкевич Е.И. Страницы биографии академика Е.В. Тарле // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 37-54; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995; "...Осталось еще немало хлама в людском составе". Как начиналось "дело Академии наук" // Источник. 1997. № 3 и 4.

² Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. 2. Ч. 1. С. XXXV-1.

³ Там же. Ч. 2. С. 530.

⁴ Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 121.

⁵ Перченко Ф.Ф. Академия наук на "великом переломе" // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 227-228.

⁶ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ), ф. 3, оп. 33, д. 121, л. 62 об.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 3, д. 636, л. 3-4.

⁸ Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. 2. Ч. 2. С. 681.

⁹ Там же. С. 684.

¹⁰ Каганович Б.С. Указ. соч. С. 49.

¹¹ Там же. С. 54.

¹² АП РФ, ф. 3, оп. 33, д. 123, л. 95. – Автограф.

¹³ Там же, л. 96, 96 об. Машинописный текст с авторской правкой, выделенной курсивом.

¹⁴ Каганович Б.С. Указ. соч. С. 55.

¹⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1078, л. 63-64. Копия.

¹⁶ Там же, л. 62. Подлинник; резолюция и визы - автографы.

¹⁷ Там же, оп. 3, д. 971, л. 27; Каганович Б.С. Указ. соч. С. 56.

¹⁸ Цитируется по кн.: Каганович Б.С. Указ. соч. С. 59.

¹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1191, л. 163-166. Машинописная копия; резолюция и визы – автографы. Рукописный текст письма Е.В. Тарле см.: АП РФ, ф. 3, оп. 33, д. 123, л. 148-149.

²⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 998, л. 56; Каганович Б.С. Указ. соч. С. 60.